УДК 821.161.1:882-3

Т.Н.ФЕДОРОВА, *канд. филол. наук, доцент, ft3001@mail.ru*
Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н.Ульянова

T.N.FYODOROVA, *PhD in philol., associate professor, ft3001@mail.ru*
Ulyanovsk State Pedagogical University

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ЗАГЛАВИЯ ПОВЕСТИ Б.ПИЛЬНЯКА «МАТЬ СЫРА – ЗЕМЛЯ»

Статья посвящена исследованию семантики заглавия одной из малоизученных повестей Бориса Пильняка «Мать сыра – земля». Мифопоэтическое наполнение и полифункциональность названия повести составляют основной научный интерес автора.

Ключевые слова: заглавие, эстетический эксперимент, система мотивов, онтологическая проблематика, бессознательное.

POLYFUNCTIONALITY OF THE TITLE OF THE STORY«CRUDE MOTHER SOIL» («MAT' SYRA – ZEMLYA») BY B.PILNYAK

The article is devoted to the semantic research of the title of the storiy by Boris Pilnyak «Crude Mother Soil». The mythoepic meaning and polyfunctionality of the title of the story are of primary scientific interest for the author of the article.

Key words: title, aesthetic experiment, the system of motives, onthological problems, the unconscious.

Интерес исследователей творчества Б.Пильняка к названиям его произведений объясним с точки зрения восприятия заглавия как совокупности важнейших смыслов художественного текста. Актуально это положение и для одной из малоизученных повестей писателя «Мать сыра – земля».

Заглавие данного произведения состоит из трех элементов: «мать», «сыра», «земля». Скрупулезный анализ каждого слова обнаруживает мощный мифопоэтический контекст, связанный с архетипом матери. Общеизвестно, что истолкование мифологемы матери в конечном счете ведет к выявлению архетипа высшего женского существа, во многих культурах понимаемого как символ Вечности и Бессмертия, «всеобщий источник жизни, мать всего живого, в том числе и человека» [7, с.192]. Древнеславянская формула «мать – сыра земля» – тому подтверждение. Земля – это одна из основных стихий мироздания, в прямом смысле – плодородная почва, а также недра, часто соотносимые с преисподней.

Выражение «мать – сыра земля» подразумевает теснейшую связь со стихией воды. Поэтому данное сочетание слов содержит в себе образ земли увлажненной, оплодотворенной дождем, а значит, Земли-Матери. Не случайно слово «природа» «указывает на землю, материнская утроба которой не устает рождать от начала мира и до конца наших дней» [7, с.136]. В этом смысле заглавие повести вполне в духе художника, «ключом… художественной деятельности» [3, с.234] которого стано-

вится особое внимание к природной подоснове человеческой жизни.

История публикации повести позволяет говорить о смысловой амбивалентности данного заглавия. Вышедшая в 1925 году в 4-м номере журнала «Круг» повесть имела название, в котором тире было смещено: «Мать сыра – земля», что отличало ее от древнеславянской формулы – «Мать – сыра земля». С одной стороны, это могло быть вызвано стремлением изменить ритм фразы [1], с другой – изменить ее смысл. Если в заглавии «Мать – сыра земля» второе слово указывает на увлажненность, способность к деторождению, то при смещении тире «сыра» используется в значении «не готова», «не зрела», «не способна к рождению». Подобный семантический сдвиг актуализирует одну из важнейших проблем творчества Б.Пильняка 20-х гг. – проблему наивной веры личности в возможность преодоления мощного зова «матери – сырой земли». Он проявляется не только в возврате к природе, но и к «звериной правде жизни» [3, с.235]. Одним из первых на это указал Вяч. Полонский, отметивший, что теперь в произведениях Б.Пильняка «царит волк, когда-то прекрасный символ революции» [6, с.132]. К этой же точке зрения придет десятилетия спустя и Э.Мекш: «...в любых войнах пробуждается зверь, который живет по законам инстинкта» [4, с.52].

Приведенные высказывания родственны в силу глубокого понимания тех метаморфоз, которые произошли с художником революции и метели. Первоначальное восприятие грандиозных событий носило характер эстетический. Но чем дальше уходил Б.Пильняк от эстетизации послереволюционной действительности, тем очевиднее для него становился антигуманный характер произошедших перемен. Во всеуслышание заявить об этом писатель не мог и «обратился к мифологическому шифру» [4, с.43]. В результате песнь метели из произведений первой половины 20-х гг. трансформировалась в леденящий душу вой волка. В народном сознании волк отождествляется с дьяволом, а его вой предвещает мороз, голод, мор, войны. Именно это звуковое сопровождение внесло в повесть эмоции ужаса и отчаяния, виртуозно переданные художником, стремящимся заглянуть в сферу бессознательного.

Структурно-тематический уровень повести представляет собой движение «тематических полей»: социально-исторического (приезд большевика в деревню, взаимоотношения коммуниста с народом, революция на местах), историософского (допетровская Русь, разинщина, пугачевщина) и онтологического (включенность человека в систему вечных процессов, обеспечивающих сохранность мира). При этом заглавие организует не только проблемно-тематический, но и сюжетно-композиционный пласт произведения.

Развернутая экспозиция становится «ключом» к пониманию истории Некульева, кожевенницы Арины и волчонка. Все три персонажа, соотнесенные с заглавным образом, объединены внешним сюжетом (приезд коммуниста по заданию центра, любовь) и сопряжены с целым комплексом мотивов, имеющих в своей основе общий корень – образ матери – сырой земли (мотив волка, оборотничества, борьбы дня и ночи, слепоты и глухоты, бегства, страха и др.).

Своеобразным центром мотивного поля выступает мотив волка. Общее место мифопоэтических исследований – это указание на чужесть как доминирующее качество в его символике. В этом смысле чужесть и Некульева, и Арины зову матери – сырой земли поразительна. Одна «деловито» забивает лошадей. Другой не способен видеть дальше собственного носа, учитывать «земной» уклад жизни лесных людей, регламентированный мифами и обрядами. Некульев – чужой и в буквальном смысле этого слова: приехавший издалека, с непонятной для местных жителей целью – охранять лес от них самих. Лесничий Антон в понимании лесных людей ничем не хуже волка, об оборотнической сути которого и связи с нечистой силой сказано довольно много. И действительно, в свой приезд Некульев – «бодрый, веселый человек» [5, с.290]. Но чем дольше его пребывание в лесах, тем отчетливее ночные страхи и последовавшая за ними утрата человеческого начала:

«гусиная кожа… обрастала тело, – кольцекудрые волосы… шевелились на голове» [5, с.329], «глаза… сумасшедши» [5, с.328]. Лесничий «оборачивается» в другого человека, чувствующего иначе, чем должен чувствовать коммунист «без дураков», привыкший рассуждать и действовать «шахматно верно».

Мотив оборотничества, рождающийся из свойств заглавного образа, – один из сквозных в повести Б.Пильняка «Мать сыра – земля». Это своеобразное зеркало, отражающее, как логика революции оборачивается алогизмом бытия, а жизнь – смертью. Мотив оборотничества реализуется в повести через систему рассказов лесных людей о лешем-ляде и коммунисте Некульеве. Последний воспринимается как колдун, оборотень: «…колдун… костер разведет, ляжет… и… глядит на огонь, глаза страшные, и стекла на носу-то, горят, как угли… Очень страшно!» [5, с.309]. Не случайно в сцене бунта вязовские бабы рассказывали, что «видели… как потемнел Некульев, натужился, налились глаза кровью, пошла изо рта пена, выросли во рту клыки, стал… вроде чернозема… – провалился сквозь землю» [5, с.306]. Отождествление Антона с нечистью объединяет его с волком, в образе которого народная фантазия видела все ту же нечистую силу. А волк – существо хтоническое, тесно связанное с матерью – сырой землей.

Оборотничество обнаруживается и в истории Арины. Прекрасная, «как тюльпанная степь» [5, с.325], женщина, тоскующая по любви, по материнству, – коновал, убийца, за которым тянется непреодолимый запах крови и гнили: «…ударила поленом лошадь по шее… Руки Арины были в крови, земля залита была кровью…» [5, с.327]. По своей природе женщина – мать, сильно это начало и в Арине (вскормила из соски волчонка, потчует пирогами Некульева). Но это материнское, идущее от сырой земли, оказалось предано. Стоит обратить внимание на реакцию волчонка – «сына» земли и кожевенницы Арины: «протянула руку, чтобы погладить… – и волчонок бросился… в смерть, страшной ненавистью… повис на зубах… срывая мясо с пальцев» [5, с.330]. Женщина заплакала не столько от боли, сколько от обиды. Пильняк уточняет: «Ирина была бессильна перед инстинктом – вот перед маленьким вонючим пушистым комком лесных, звериных инстинктов… и перед теми инстинктами, что жили в ней…» [5, с.330]. Бессильна была Арина и перед местью матери – сырой земли. Смерть женщины страшна и до тошноты натуралистична: «На дворе… стояли чаны, пропахшие мертвой кожей и дубьем, и в средний чан был воткнут кол и на кол была посажена Арина… Она была раздета донага. Кол был воткнут между ног, ноги… привязаны к колу. Лицо ее – красавицы – было безобразно до ужаса, глаза вылезли из орбит. Она была жива… умерла к вечеру» [5, с.330-331].

Оборотнем оказывается и волчонок: главный герой повести, как именует его Пильняк, на самом деле лис. И история его также печальна: «Кузя лисенка убил, освежевал и сшил себе треух» [5, с.331].

Финал повести символичен: все чуждое Медыни погибает, а земля великого Волжского разбойничьего ареала стоит неизменно: «Мать сыра – земля, как любовь и пол… манит смертельно, мужики целуют землю сыновне, носят в ладанках… заговаривают... Матерью сырою – землей… клянутся мужики… Женщине быть – матерью сырой – землей… – Мать сыру – землю можно – иль проклинать, или любить…» [1, с.322-323].

Исследование форм связи заглавия с текстом позволяет отнести название «Мать сыра – земля» к разряду полифункциональных. В нем оказались заложены не только проблемно-тематический, сюжетно-композиционный и пространственно-временной пласты произведения, но и ядро всей мотивной структуры повести. К тому же смещение тире в заглавии поспособствовало созданию мощного информативного поля, согласно которому «мать – сыра земля» есть источник жизни Природы и Человека, утрата связи с которым лишает человеческую жизнь гармонии, смысла, обрекает на забвение, разрывает цепь духовной преемственности поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ауэр Т.* О функции авторского знака в прозе Б.А.Пильняка («Мать – сыра земля») // Б.А.Пильняк. Исследования и материалы. Вып.3-4. Коломна, 2001. С.126-128.

2. *Афанасьев А.* Мифы, поверья и суеверия славян. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. Т.1. М., 2002.

3. *Воронский А.* Борис Пильняк // А.Воронский. Искусство видеть мир. М., 1987. С. 233-257.

4. *Меки Э.* Миф и реальность в повести Б.Пильняка «Мать сыра – земля» // Б.А.Пильняк. Исследования и материалы. Вып. 3-4. Коломна, 2001. С.42-53.

5. *Пильняк Б.* Мать сыра – земля // Б.Пильняк. Повести и рассказы. 1925-1929. М., 1991. С. 287-331.

6. *Полонский Вяч.* Шахматы без короля // Вяч.Полонский.О литературе. М., 1988. С. 124-150.

7. Славянская мифология. М., 1995.

REFERENCES

1. *Auer T.* The Function of the Author's Punctuation in B.A.Pilnyak Prose (Crude Mother Soil) // B.Pilnyak. Research and Files. Kolomna, 2001. P.126-128.

2. *Afanasiev A.* The Myths, Beliefs and Superstitions of the Slavs. Their Poetic View upon Nature. Moscow, 2002.

3. *Voronsky A.* Boris Pilnyak // A.Voronsky. The Art of Observing the World. Moscow, 1987. P. 233-257.

4. *Meksh E.* Myth and Reality in the Story «Crude Mother Soil» // B.Pilnyak. Research and Files. Kolomna, 2001. P. 42-53.

5. *Pilnyak B.* Crude Mother Soil // B.Pilnyak. Short Stories. 1925-1929. Moscow, 1991. P. 287-331.

6. *Polonsky Vyacheslav.* Chess without a King // Vyacheslav Polonsky. About Literature. Moscow, 1988. P. 124-150.

7. Slavic Mythology. Moscow, 1995.